

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(100)

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-153-167>

«Жаль этих славных парней...» (к вопросу о пребывании австро-венгерских военнопленных в Иркутске)

© **А.В. Ануфриев, Д.В. Козлов**

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: Тема плена традиционно оставалась маргинальной по отношению к истории Первой мировой войны. В конце XX – начале XXI в. можно констатировать рост интереса к теме плена как отдельного феномена. Перспективно изучить специфику размещения военнопленных по частям Российской империи. Столкнувшись с невозможностью разместить огромное количество пленных на территории Европейской России, Военное министерство приняло решение отправить часть военнопленных в Омский, Иркутский и Приамурский военные округа. Центральная власть и местная администрация старались по мере возможности международно-правовые акты, регламентирующие содержание военнопленных. В результате событий лета 1918 г. территория, на которой располагались сибирские лагеря военнопленных, стала ареной ожесточенной гражданской войны. Значительная часть военнопленных пыталась сохранить нейтралитет и остаться в лагерях для военнопленных, хотя многие и присоединились к противоборствующим сторонам. И «красные», и «белые» сибирские власти старались соблюдать по отношению к этим лицам те законы и подзаконные акты по военнопленным, которые существовали до 1917 г. Окончательно вопрос о депортации военнопленных с востока страны был решён в 1920 г. Последние военнопленные при помощи иностранных консульств покинули России в 1921 г. Оставшиеся интегрировались во вновь создаваемое советское общество.

Ключевые слова: Австро-Венгрия, архив, Первая мировая война, военнопленные, Иркутск, адаптация, практики, история плена, источник, фотография

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Фонда «За русский язык и культуру» в Венгрии в рамках научного проекта № 19-59-23007.

Информация о статье: Дата поступления 1 октября 2019 г.; дата принятия к печати 5 ноября 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 декабря 2019 г.

Для цитирования: Ануфриев А.В., Козлов Д.В. «Жаль этих славных парней...» (к вопросу о пребывании австро-венгерских военнопленных в Иркутске) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 153–167. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-153-167>

“I wish these nice guys...” (the question of the stay of Austro-Hungarian prisoners of war in Irkutsk)

© **Alexander V. Anufriev, Dmitrii V. Kozlov**

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

Abstract: The subject of captivity has traditionally remained marginal to the history of the First World War. At the end of XX – beginning of XXI century it is possible to ascertain growth of interest in the subject. It is prospective to study the specifics of the placement of prisoners of war in parts of the Russian Empire. Faced with the impossibility to place a huge number of prisoners on the territory of European Russia, the War Ministry decided to send some prisoners of war in the Omsk, Irkutsk and Amur military districts. Summing up, it should be noted that both the Central government and the local administration tried to observe, as far as possible, the international legal acts regulating the content of prisoners of war. Some excesses, of course, took

place to be, but did not play a fundamental role. As a result of the events of the summer of 1918, the territory on which the Siberian prison camps were located became the scene of a fierce Civil War, in which former prisoners of war found themselves on different sides of the barricade. But a significant part of the prisoners of war tried to remain neutral and remain in prison camps, although many joined to the warring parties. Both the “red” and “white” Siberian authorities tried to observe in relation to these persons the laws and regulations on prisoners of war that existed before 1917. The last prisoners of war with the help of foreign consulates left Russia in 1921. The remaining ones were integrated into the newly created Soviet society.

Keywords: Austria-Hungary, archive, World War, prisoners of war, Irkutsk, adaptation, practice, history of captivity, source, photograph

Acknowledgements: This study was supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Foundation for the Russian Language and Culture in Hungary as part of research project No. 19-59-23007.

Article info: Received October 1, 2019; accepted for publication November 5, 2019; available online December 30, 2019.

For citation: Anufriev A.V., Kozlov D.V. (2019) “I wish these nice guys...” (the question of the stay of Austro-Hungarian prisoners of war in Irkutsk). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 15. No. 4. P. 153–167. (In Russ.) <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-153-167>

Первая мировая война явилась в мировой истории событием огромной важности. Война длилась более 4 лет и вовлекла в конфликт 38 государств, где проживало свыше 1,5 млрд человек. В этом конфликте погибло около 10 млн человек, более 20 млн были ранены и контужены либо попали в плен.

Власти воюющих государств впервые в истории столкнулись с феноменом массового плена и данная проблема требовала своего решения. Эти события стали своего рода проверкой для международного и национального законодательства как о методах ведения войны в целом, так и статусе военнопленных в частности. Во время Первой мировой войны в русском плену оказались 2104146 солдат и офицеров Австро-Венгрии и 167082 военнослужащих германской армии. В соответствии с распоряжением Главного Управления Генерального Штаба в 1914 г. военнопленных немцев, австрийцев, а также венгров, как менее надежных по сравнению с пленными славянами и румынами, размещали, главным образом, за Уралом – в Сибири, Туркестане и на Дальнем Востоке. К 1 января 1915 г. из 257 тыс. военнопленных в Сибири было размещено 186 тыс. (Интернационалисты: Трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть Советов, 1967. С. 16).

Тема плена традиционно оставалась маргинальной по отношению к истории Первой мировой

войны. В конце XX – начале XXI в. можно констатировать рост интереса к данной тематике. Среди западных авторов можно упомянуть: Р. Чикеринга, Н. Фергюсона, М. Гилберта, Х. Хервига, Д. Кигана, Д. Винтера (Chickering, 1998; Gilbert, 1994; Herwig, 1997; Keegan, 1999; Ferguson, 1999; Winter, 1995). Но и в наше время исследования, посвященные теме плена как отдельного феномена Первой мировой войны, немногочисленны. Обычно плен рассматривается в отдельных главах в общих описаниях войны. Такое отсутствие внимания к теме плена само по себе является интересной проблемой особенно, если вспомнить, что многие бывшие пленные стали затем видными политическими, культурными и военными деятелями (Б. Кун, И.Б. Тито, О. Бауэр, М. Тухачевский, Я. Гашек). В межвоенный период (20–30-е гг.) основной массив работ о плене составляли тексты различных официальных лиц, вовлеченных в деятельность с пленными. Это могли быть представители национальных отделений Красного Креста, представители различных аристократических фамилий, участвующие в работе миссий. Можно встретить и работы, представляющие мнение официальных властей и содержащих, в частности, обвинения со стороны Австро-Венгрии России в несоблюдении последней Гаагской конвенции в вопросе содержания пленных. Все эти работы условно можно отнести к первой группе литературы по тематике. Тексты, созданные быв-

шими пленными, представляют вторую группу. В основном их авторами являются офицеры из буржуазных и образованных семей. Но сами офицеры составляли не более 2,5 процент от общего числа заключенных. Сами тексты могут представлять из себя дневники, воспоминания, иногда представленные в беллетризованной форме. Яркий пример в данном случае – творчество Э.Э. Двингера, который в своей трилогии описывает плен и Гражданскую войну (Dwinger, 1929). Третью группу представляют из себя произведения ярко выраженной антигабсбургской направленности. Это могут быть воспоминания чешских легионеров и воинов-интернационалистов (венгров, немцев) в Гражданскую войну. В целом для этой литературы характерен национализм (в случае легионеров), проявляющийся в подчеркивании особой роли легионеров в создании Чехословакии и подготовки к этому акту, в том числе в Сибири. В случае воинов-интернационалистов речь идет о большевистской идеологии классовой солидарности. В данном случае подчеркивается и прошлое, связанное с пленом, в биографиях комиссаров Венгерской советской республики. Интересно, что межвоенная венгерская историография опровергала такие подходы, указывая на то, что в трансформации военнопленных в интернационалистов большую роль играла не приверженность идеям большевизма, а прагматичное стремление вырваться из плена. Много исследований, посвященных интернационалистам, было опубликовано в социалистических странах и в СССР в послевоенный период (Кривогуз, Полянский, 1967). Для такого рода литературы характерным было рассмотрение плена как части политической истории. В 80-е годы появилась литература, анализировавшая феномен плена в контексте социальной истории, где речь шла о практиках заключения как лишения свободы, работе в плену, болезнях. Среди авторов можно упомянуть американского ученого Д. Дэвиса (Davis, 1983; Davis, 1987; Davis, 1993). Если более подробно говорить об отечественной историографии, то в советской историографии 1920-х – начала 1990-х гг. преобладающим оставался партийно-классовый подход к анализу исторического процесса. Пожа-

луй, первой работой подобного рода в Восточной Сибири стала брошюра верхнеудинского краеведа В.П. Гирченко (Гирченко, 1933). А своего рода «апогеем» этого подхода стал сборник «Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке 1917–1922 г.», где были представлены как работы венгерских исследователей – А. Йожа «Русские военнопленные в Венгрии 1917–1919», Х. Ваш «О некоторых аспектах истории венгеро-советских интернациональных связей», так и советских – Б.М. Шерешевский и др. Особо стоит отметить статью профессора ИГУ Агалаков В.Т. «Венгерские интернационалисты в борьбе за власть Советов в Восточной Сибири» (Агалаков, 1980).

Для исследователей современного периода характерно освобождение от политической конъюнктуры, отход от однозначных оценок в рассмотрении тем, связанных с военнопленными. В 1985 г. в Красногорске был создан Мемориальный музей немецких антифашистов, который ведет исследования российско-германских отношений в XX веке. В разделе 1 «Плен в период Первой мировой войны (1914–1918 гг.)» научной концепцией экспозиции международного антивоенного музея рассматриваются две темы: 1) межгосударственные соглашения, регулировавшие режим военного плена в период Первой мировой войны; 2) военнопленные и интернированные воюющих сторон в период Первой мировой войны. С 1996 года музей реализует проект «Трагедия войны – трагедия плена», экспозиция которого посвящена военнопленным войн и военных конфликтов XX века, конечная цель – создание антивоенного международного музея.

Таким образом, с середины 80-х годов на первый план в историографии выходят общегуманитарные вопросы. С отказом от господствовавших ранее в науке идеологических шаблонов появились предпосылки более полного и объективного изучения военного плена Первой мировой войны. Этому способствовало открытие недоступных ранее архивных фондов, спецхранов, а также либерализация взглядов историков на события, происходившие в 1917–1920 гг. В 90-е годы в постсоветской историографии проблемами плена начинают

интересоваться исследователи, изучающие данную тему с гуманистических, цивилизационных позиций. Л.Г. Ивашов, А.С. Емелин рассматривают нравственные и правовые проблемы плена в отечественной истории среди военнопленных в 1917 г. В 1996 году появляется первая диссертация по теме «Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны». С.Н.Васильева в своем труде, учитывая новые принципы историографии, характерные для периода конца 80–90-х годов, освещает понятие «военного плена» в международном праве, анализирует правовые и гуманитарные аспекты положения военнопленных Германии, Австро-Венгрии и России, отношение к ним официальных властей, их идеологическую политику к комбатантам враждебных армий. Используя большой фактический материал, автор рассказывает о привлечении военнопленных к работам на хозяйственных и военных объектах стран-противников. В 1999 году в свет выходит её учебное пособие к спецкурсу, аналогичное названию диссертации, для студентов исторических факультетов педвузов страны (Васильева, 1999)¹. Основываясь на документах фондов сибирских областных архивов, Н.В. Греков в своей статье рассматривает вопросы, связанные с размещением пленных в лагерях Сибири (Греков, 1997). Прекрасная работа о пребывании военнопленных на Дальнем Востоке появилась в Хабаровске (Иконникова, 2004).

В последние годы появилось достаточно много работ, посвященных пребыванию военнопленных на территории Восточной Сибири, прежде всего, – это работы А.И. Гергиловой (Гергилова, 2007). Однако стоит отметить, что А.И. Гергилова строит свою диссертацию и монографию в основном на материалах красноярских архивов, привлекая частично документы ГАИО и РГВИА.

Есть достаточно много интересных работ, посвященных отдельным лагерям военнопленных. Так, Сретенскому лагерю в Забайкалье посвящена

работа краеведа и коллекционера А. Чашина (Чашин, 2009).

Авторы статьи также рассматривали вопросы о пребывании военнопленных на территории Забайкалья и Прибайкалья (Ануфриев, 2014).

Однако, несмотря на достаточно широкий круг исследовательской литературы, имеется целый комплекс неисследованных проблем (прежде всего, связанный с исследованием конкретных концентрационных лагерей на территории Восточной Сибири).

За время Первой мировой войны впервые в истории стало практиковаться в массовом порядке заключение в специальные охраняемые лагеря интернированных граждан неприятельских стран. Феномен иркутского плена, рассматриваемый в данной статье, полностью встраивается в эти подходы. Статья направлена на введение в исторический оборот новых источников, связанных с австро-венгерскими военнопленными.

Основной блок этих документов оказался в Российском государственном военно-историческом архиве, львиная доля этих документов хранится в фонде штаба Иркутского военного округа (Ф. 1468). Следует отметить, что целый ряд фондов, подробно освещавших данную проблему, был в своё время передан из ГАИО в ЦГВИА СССР (ныне РГВИА). В частности, туда были переданы Ф. 535 «Заведующий военнопленными гарнизона пос. Антипи́ха», Ф. 538 «Заведующий военнопленными Нерчинского гарнизона», Ф. 539 «Заведующий военнопленными г. Сретенска», Ф. 628 «Берёзовский гарнизон» и др. При фондировании большая часть документов этих фондов вошла в состав фонда 1529 «Гарнизоны Иркутского военного округа».

Из местных архивов наиболее интересны и информативны фонды Государственного архива Иркутской области (далее – ГАИО). Всего автором выявлено более трех сотен дел, из более чем 30 фондов ГАИО дореволюционного периода. Особенно интересные документы отложились в фондах жандармских управлений Восточной Сибири (прежде всего, Ф. 600 «Иркутское губернское жандармское управление»), информативен и фонд

¹ Васильева С.Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны: учеб. пособие к спецкурсу. М. : Ред.-изд. центр Московского государственного открытого педагогического университета, 1999. 133 с.

«Иркутское отделение Шведское общество Красно-го Креста» (однако большая часть материала там представлена на немецком и венгерском языках). Хранятся документы по подобной тематике и в архивах территорий, ранее входивших в состав Иркутского военного округа. Так накануне столетия Первой мировой войны Архивное агентство Красноярского края подготовило тематический перечень документов «Военнопленные I Мировой войны в Енисейской губернии» из 48 наименований. А в Государственном архиве Забайкальского края авторами было выявлено более семи десятков дел из 8 фондов, необходимо отметить, что самым информативным и полным является фонд Забайкальского областного правления, в котором находится значительная часть дел данного периода – 44 дела из 70 выявленных, кроме этого достаточно интересны фонды 26 «Читинский полицмейстер» и 94 «Читинская городская управа».

Интересный материал дают для анализа досуга военнопленных фотоматериалы, хранящиеся в фондах ИОКМ. Всего в фондах 555, 556, 761 хранится около 400 фотографий, сделанных в 11 лагерях военнопленных, размещенных на территории Иркутского военного округа (Ачинский, Березовский, Даурский, Заиркутский городок, Иркутский лагерь военнопленных нижних чинов и офицеров, Иннокентьевский гарнизон, Канский, Красноярский, Нерчинский, Сретенский, Читинский). Интересна история их создания: 8 июня 1916 г. Главное управления Генерального штаба рассылает по военным округам циркуляр с «говорящим названием» – «О подготовке сборника фотографий лагерей военнопленных для опровержения распространяемыми русскими врачами инсинуаций о крайне неудовлетворительном содержании военнопленных». Это полностью объясняет как время съемок (июль – август 1916 г.), так и сюжеты фотографий.

Если рассматривать более подробно, то в фонде 555 имеется 126 фотографий (№ 1–35 – «Иннокентьевский концентрационный лагерь военнопленных», № 36–57 – «Лагерь Заиркутский городок», № 58–126 – лагеря читинского гарнизона (Антипиха, Песчанка и сам читинский лагерь). В фонде 556 чуть более сотни фотографий (№ 1–60 –

лагерь в ст. Стретенской, № 61–101 – красноярский лагерь военнопленных, с № 102 – лагерь в Даурии). Фонд 761 самый большой – более 170 фото (№ 41–57 и 208–219 – лагерь в пос. Нижняя Березовка под Верхнеудинском, № 63–67 и 150–179 – Ачинский лагерь, № 101–125 – лагерь военнопленных на ст. Иннокентьевской, № 126–137 – лагеря военнопленных под Читой, № 138–149 – лагерь в городе Нерчинске и № 174–219 – лагерь военнопленных в Даурии).

Стоит отметить, что официально Иркутский лагерь военнопленных нижних чинов и офицеров – это клон Заиркутного военного городка, почему он указан, как самостоятельный лагерь, неизвестно. Судя по записям и штампам, заверенным начальником лагеря либо командиром части, они являлись приложением к какому-то официальному документу. Поиски документа шли достаточно долго, но увенчались успехом – в фондах РГВИА был выявлен Циркуляр Генерального штаба от 08.06.1916 г. «О подготовке сборника фотографий лагерей военнопленных для опровержения распространяемыми русскими врачами инсинуаций о крайне неудовлетворительном содержании военнопленных», это полностью объясняет как время съемок (июль – август 1916 г.), так и сюжеты фотографий. На каждой фотографии с обратной стороны находится краткое название и дата, например – «Заиркутский городок. Почтово-справочное бюро – выдача денег военнопленным офицерам. 1 августа 1916 г.» и подписи официальных лиц (иногда подлинник, иногда факсимиле – «Начальник Заиркутного гарнизона, генерал-майор (подпись). Комендантский адъютант, прапорщик (подпись)». Иногда подобные названия напечатаны на пишущей машинке и размещены на внешней стороне фото – так сделано на фотографиях Березовского гарнизона.

Условно все сюжеты фотографий можно разделить на ряд групп:

1. Условия жизни (интерьер помещений, спальные места, внешний вид лагеря).

2. Быт военнопленных (доставка воды, стирка, питание (в т. ч. выпечка хлеба), внутренние мастерские – сапожная и др.).

3. Досуг (спортивные игры, занятия музыкой, спектакли, и отдельно – возможности отправление религиозных треб).

4. Возможность связи с родиной (места почтовых отправок, получение посылок и денег).

5. Оказание медицинских услуг.

6. Места захоронений и памятники.

Ряд фотографий по Канскому лагерю выбиваются из типологии, там представлены своего рода фотопортреты (что для других лагерей скорее исключение, так по Сретенскому лагерю имеется только одно фото).

До 25 % – это фотографии досуга военнопленных. Самыми популярными сюжетами являются: занятия спортом по всем лагерям (кегельбан – Заиркутский городок, футбол (почти все лагеря), теннис, регби (Канск) – по мнению автора, первый снимок этого вида спорта в России, метание мяча (Сретенск); концерт и оркестры – почти все лагеря (представлен даже этнический оркестр – армянский оркестр военнопленных турецкой армии в Сретенском лагере), любительские спектакли – самые интересные в Сретенском лагере, места для богослужений – Иркутск.

Конечно, можно предположить, что фотографии носят постановочный характер, однако общую картину бытовой жизни военнопленных они дают достаточно адекватную.

Теперь же непосредственно рассмотрим вопрос пребывания военнопленных Четвертого блока (блока Центральных держав) на иркутской земле.

Впервые через Иркутск военнопленные (вероятнее всего интернированные лица) проследовали 2 августа, когда поездом № 3 (в телеграмме сообщалось о 32 военнопленных, в сопровождении офицера и 8 нижних чинов), а чуть позднее прошел эшелон № 67 (в составе – 1 вагона 3 класса, 2 вагонов 4 класса и 13 приспособленных вагонов) с 7 военнопленными офицерами и 886 нижними чинами австро-венгерской армии. Одновременно ГЖУ сообщило о том, что поездом № 4 во Владивосток проследовали австрийский консул в сопровождении 2 сотрудников консульства из Тифлиса и Батуми (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 813. Л. 526, 530).

По приказу начальника штаба Иркутского военного округа от 3.10.1914 г. № 15824 было «воспрещено всякое общение частных лиц с провозимыми по железной дороге военнопленными», свои меры предосторожности принял и МВД – все ГЖУ получили секретное распоряжение к военнопленным никого из посторонних не допускать, за исключением медицинского персонала для оказания помощи больным и раненым (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 813. Л. 980).

Военное министерство старалось максимально изолировать военнопленных на территории военных городков, регулярные части из которых были отправлены на фронт. Первоначально, во избежание побегов, предлагалось размещать военнопленных в пределах за 100-верстовой полосой от границ. Однако, из-за наплыва пленных, к чему явно было не готово военное ведомство, принимается решение провести ревизию свободных помещений, в которых можно разместить военнопленных. К поиску свободных помещений подключилось и МВД, министр внутренних дел распоряжением от 22.08.1914 г. предписывает местным властям подготовить места для размещения раненых воинов российской императорской армии, находящихся на излечении, и военнопленных.

В Иркутской губернии военнопленные были размещены в Иркутске (на ст. Иннокентьевская и в Заиркутном военном городке), а также в г. Нижнеудинске.

В самом Иркутске в распоряжении гарнизона остались только Белые и Красные казармы, да так и недостроенный военный городок Иркутского военного училища и кадетского корпуса, который из-за недостатка строителей достраивали китайцы и военнопленные. Лучшие помещения округа были отданы под военнопленных, а вновь созданные запасные части и учебные заведения были вынуждены арендовать помещения под казармы у городов, так развернутая в Иркутске 2-я школа прапорщиков была размещена в здании мужской губернской гимназии.

Появление военнопленных волновало и местных жителей, так иркутянин Н.С. Белоголовый в своем дневнике писал: «5 ноября (1914 г.). В горо-

де имеются военнопленные: австрийцы и германцы, привезенные с театра войны. Говорят, что для помещения военнопленных предполагается подготовить Военный городок...», а 23 ноября (1914 г.) он писал и о личной встрече с военнопленными «Пленные все чаще и чаще встречаются на улицах Иркутска. Австрийцы, славяне, по-видимому, отпускаются в город без конвоя. Сегодня видел, как двое австрийцев... собрали вокруг себя небольшую кучку любопытных. Я подошел поближе и спросил пленных, кто они: поляки, русины или чехи? «Словаки», – услышал я в ответ... Жаль стало этих славных парней, волею судеб вынужденных вступить в борьбу против своих же братьев славян и очутиться наконец в далекой и холодной Сибири» (ГАИО. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1. Л. 97).

Проблема размещения военнопленных волновала местные органы власти и самоуправления и, прежде всего, Думу города Иркутска. Власти Западной Сибири столкнулись с этой проблемой чуть раньше: им пришлось принимать срочные меры по локализации эпидемии сыпного тифа среди пленных, вспыхнувшей в конце 1914 г. в г. Новониколаевске. Столкнувшись с невозможностью разместить огромное количество пленных на территории Европейской России, Военное министерство приняло решение отправить часть военнопленных в Омский, Иркутский и Приамурский военные округа. Приняли соответствующие меры и города Восточной Сибири, так 13 марта 1915 г. Иркутская городская дума присоединилась к ходатайству Комитета Всероссийского городского союза «О своевременном принятии предохранительных мер против распространения заразных эпидемических болезней вследствие заноса эвакуированными с театра военных действий военнопленными». В рамках этого предлагалось:

1. Создание особого обсервационного пункта на ст. Иннокентьевской, с устройством на этом пункте особой заразной больницы, в которой могли бы лечиться военнопленные, дезинфекционной камеры и бани.

2. Опасаясь, что в проектируемой при обсервационном пункте, больнице не хватит помещений для больных заразными болезнями военноплен-

ных, приступить к безотлагательному устройству заразной больницы на 500 коек в самом Иркутске.

3. Обратиться к Переселенческому Ведомству и просить его уступить имеющуюся у него заразную больницу для помещения в ней больных заразными болезнями военнопленных. А затем, к 15 апреля (1915 г.) приспособить имеющийся у города заразный барак к помещению там военнопленных.

Всего предполагалось подготовить 500 коек для заразных больных, из них 100 уже к 15 июля. Доставку больных должно было осуществлять военное ведомство «способами, ... гарантирующими местное население от возможного распространения заразы» (ГАИО. Ф. 70. Оп. 3. Д. 5926. Л. 96–97).

Местные власти горько констатировали, что на данный момент среди военнопленных «наблюдались все формы тифа. Летом можно предвидеть среди них острые желудочно-кишечные заболевания (холера, дизентерия)». Администрация обвиняла в этом военное ведомство из-за «отсутствия рациональной обсервации, по пути следования эшелонов военнопленных». Иркутский военный госпиталь, призванный лечить воинов гарнизона, не справлялся с возросшей нагрузкой и пытался переложить бремя ответственности на город, потребовав развернуть 400 инфекционных коек. Город же заявлял, что для этого потребуется время и дополнительные ассигнования в размере 10 тыс. рублей. Боясь распространения эпидемии, городская дума предложила переоборудовать под госпиталь склады Красного Креста на ст. Иннокентьевская, что «обезопасит городское население в городе от заразных болезней».

Обоснованы ли были эти опасения? Вероятнее всего, да. Несмотря на то, что в большинстве городов лагеря военнопленных были расположены на территории военных городков (в том же Иркутске) оба лагеря – Иннокентьевский и Военный городок были в основном изолированы от местного населения, опасность выхода эпидемии за пределы лагеря все же существовала. Больных военнопленных лечили как военные врачи русской императорской армии, так и врачи – военнопленные.

В фондах архива найдены данные о более двух десятков военнопленных врачей и фельдше-

ров (так в Заиркутном лагере находились терапевты – Теодор Рухин, Лео Барт и врач-окулист Исидор Хаим, в Сретенском лагере – врач Коллер и др.). Младший медицинский персонал также набирался из числа военнопленных. Так, в разгар эпидемии тифа, в сретенский лагерь было переведено из Березовки «20 военнопленных санитаров для ухода за сыпно-тифозными, сами перенесшие тиф» (РГВИА. Ф. 1529. Оп. 1. Д. 153. Л. 1).

Имелись среди военнопленных и фармацевты, так в 170 сводном госпитале (Заиркутный городок) работал кадет – аспирант австрийской армии Ганс Цвари. В том же лагере имелось 4 ветеринарных врача.

Имелись зубные техники, так военнопленный австрийской армии зубной техник Генрих Ижа, протестовал против перевода в Забайкалье из Иркутска, заявляя, что он работает в зубо врачебном кабинете Доктора Эндрю Дра (тоже военнопленного) и русском зубо врачебном кабинете при 20 стрелковом полку. Однако в Забайкалье зимой 1917 г. он все же был переведен, ибо в одном из лагерей отсутствовал зубной техник, а в Заиркутном лагере был еще один зубной техник австриец Кишь (РГВИА. Ф. 1529. Оп. 1. Д. 45. Л. 12).

Появление первых партий военнопленных вызвало вопрос о возможности применения их в качестве рабочей силы на предприятиях Восточной Сибири. Стоит отметить, что Восточная Сибирь с начала мобилизации испытывала острую потребность в притоке рабочей силы, ибо в результате призыва Иркутская губерния потеряла до 13 % от общего числа жителей (это был самый высокий показатель среди всех губерний и областей Российской империи. Частично это компенсировалось притоком рабочих с пределов Китайского государства, но полностью проблему это не решало.

Еще 24 сентября 1914 г., фактически сразу после появления первых партий военнопленных в Иркутске, городская дума Иркутска обсудила на своем заседании вопрос о «возможности использования труда военнопленных для производства городских работ». Предлагалось использовать военнопленных для:

1. Урегулирования русла р. Ушаковки ... и укрепления берегов камнем, добычу которого возможно производить тем же трудом военнопленных.

2. Планировки улиц на окраинах города в Глазковском, в Знаменском предместье и Ремесленной слободе.

3. Устройства ввоза на 6-й Иерусалимской к р. Ангаре.

4. Устройства дороги по берегу реки Иркут в Кайскую долину.

Предполагалось, что город обеспечит содержание и обмундирование военнопленных, так же обеспечит им помещение с отоплением и освещением.

Однако дума решила что «Снабжение военнопленных одеждой ... потребует от города значительного единовременного и безвозвратного расхода. Наем квартир также будет стоить недешево, за отсутствием у города свободных помещений».

Принимая во внимание что «Труд военнопленных, как труд подневольный, будет достаточно производителен» и ввиду того что крупные партии военнопленных придут в город не ранее половины октября, к наступлению морозов, дума решила что может обеспечить работой до 1 000 военнопленных, но только с наступлением весны (ГАИО. Ф. 70. Оп. 3. Д. 5484. Л. 175).

Первая мировая война резко сократила рынок рабочей силы в России. Ее производительные силы были истощены неоднократными мобилизациями мужского населения. В результате, правительство вынуждено было использовать труд военнопленных.

Согласно Положению о военнопленных от 7 (20) октября 1914 г., в которое были включены дополнения 8 (21) марта 1915 г. «Правила о порядке предоставления военнопленных для казенных и общественных работ», земским учреждениям и городским общественным управлениям, заинтересованным в использовании труда военнопленных, предписывалось проведение работ на следующих началах:

1. Военнопленные нижние чины могут быть представлены в распоряжение земств и городов

лишь для производства дорожно-строительных и других земляных, мостильных и других работ, не требующих особой квалификации.

2. Назначение на работы военнопленных небольшими партиями представляется нежелательным.

3. Ближайшее заведования производимыми трудом военнопленных работами, равно как и работы по содержанию, снабжению одеждой, бельем и обувью, а также довольствие военнопленных и оказание им надлежащей медицинской помощи, возлагается на земские и городские общественные управления. При этом, военнопленные в местах работы должны размещаться в бараках ... непременно казарменным порядком. Продовольствоваться во время работы нижние чины из общего котла, на одинаковом основании с нижними чинами русской армии.

4. Надзор за военнопленными возлагается, на особо для сего, нанимаемых в достаточном количестве ... десятников и сторожей, которые должны быть вооружены тем, чем общее руководство охраныверяется. При весьма значительном количестве военнопленных рабочих ... надзор этот по предварительному соглашению губернатора в каждом отдельном случае с командующим войсками округа, может быть усилен местной военной властью, путем командирования на место работ чинов ополченческих дружин.

5. Назначенные на работы военнопленные принимаются местной властью, который подписывает совместно с лицом, сдающих военнопленных их поименный список.

6. Все расходы, связанные с содержанием военнопленных и с использованием их как рабочей силы, подлежат отнесению на счета, специально отпускаемые из средств Государственного казначейства. Центральная власть покрывала расходы на организацию надзора за военнопленными, а местное самоуправление – расходы на содержание военнопленных, снабжение их одеждой и помещением» (ГАЗК. Ф. 94. Оп. 1. Д. 943. Л. 77–78 об.).

Сначала предполагалось, что труд военнопленных не должен был оплачиваться. Однако первые же опыты показали, что материально не

заинтересованные в результатах своего труда военнопленные скорее изображали видимость работы, нежели реально работали. Поэтому центральная власть фактически отменила правило о бесплатности работ и рекомендовала оплачивать военнопленным их труд.

Если первоначально привлечение к труду было сугубо добровольным и военнопленные, стараясь скрасить свой досуг, сами активно просились на работы, то позднее это стало обязанностью, так за отказ от работы предусматривался «арест на срок до 1 месяца, либо строгий арест до 20 дней, либо усиленный до 8 суток» (ГАЗК. Ф. 94. Оп. 1. Д. 943. Л. 101).

Достаточно широко труд военнопленных использовался в сельском хозяйстве. Согласно утвержденным 28 февраля (14 марта) 1915 г. правилам, на эти работы направлялись военнопленные низших чинов «преимущественно не немецкого и не мадьярского происхождения». Однако столкнувшись с острым недостатком рабочей силы, особенно в европейской части России, было принято решение о привлечение к работам всех трудоспособных военнопленных, без различия их национальности.

В отличие от нижних чинов, офицеров к обязательному труду не привлекали. Зато часть плененных офицеров могла подыскать себе в городах хорошо оплачиваемую работу. Широко использовался труд военнопленных инженеров, бухгалтеров и т. д. Эти категории работников в основном комплектовались из немцев (Колмогоров, 1970. С. 11).

Наиболее востребован был труд квалифицированных рабочих и ремесленников, так в Заиркутском городке были найдены 3 колбасника (которые оказались в мастерской по производству колбасы и сосисок), требовались слесари, токари, сантехники и электрики. Такие специалисты были просто на вес золота и часто жили не в лагере, а у своего работодателя.

Использование труда военнопленных на территории округа широко практиковалось, так в Забайкалье, Иркутской и Енисейской губерниях военнопленные работали на строительстве Амурской железной дороги, исправляли шоссейные дороги,

добывали уголь, активно использовались в сельском хозяйстве, трудились на городском благоустройстве. За свой труд они получали заработную плату, а организации и предприятия, использующие труд военнопленных, перечисляли часть денег в лагерь. Если раньше военнопленные содержались только в лагерях для военнопленных, то с течением времени режим содержания смягчился, и пленных переместили в своего рода «лагерные пункты», где они проживали вблизи предприятия.

Трудились военнопленные в целом удовлетворительно, хотя их производительность и оплата труда варьировалась от личности работодателя и условий их содержания. Так отправленные на ст. Зима в 1917 г. десять итальянцев-военнопленных жаловались, что с Пасхи никто не заботился об их продовольствии и они были вынуждены просить милостыню и вернулись в лагерь «в жалком состоянии, без ботинок, в изорванной одежде и белье», хотя им было обещано жалование из расчета 6 рублей за куб извлечённой земли и продовольствие – $\frac{3}{4}$ фунта мяса и 3 фунта хлеба и картофеля в день (РГВИА. Ф. 1529. Оп. 1. Д. 50. Л. 133).

Применение массовой дешевой рабочей силы давало учреждениям и ведомствам Восточной Сибири серьезную экономию средств, прежде всего, за счет низкой оплаты труда военнопленных. Сами же военнопленные были заинтересованы в работе, это давало материальную независимость от переводов и посылок с родины, что ложилось на их семьи тяжким грузом, и давало возможность занять свободное время.

Хотя формально военнопленные должны были быть полностью изолированными от местного населения, в реальности все было иначе. Режим содержания был жестким не всегда и контакты с местным населением стали скорее нормой, нежели исключением. Стоит остановиться, прежде всего, на контактах с жительницами Восточной Сибири. Для многих из них солдаты и офицеры – военнопленные представляли несомненный интерес. В силу изоляции военнопленных, военная и местная гражданская власть старалась свести общение с местным населением к минимуму. Однако по мере «вживания» и активным использованием военно-

пленных как рабочей силы, контакты становились все чаще и теснее. Это раздражало администрацию и, прежде всего, лиц, ответственных за режим содержания.

Необходимо отметить, что до 1917–1918 гг. в метрических книгах церковей почти не встречается записей о браках местных жительниц с военнопленными. Ситуация изменилась после событий 1917 г., когда военнопленные включились в общественную местную жизнь и режим содержания смягчился. Так в метрической книги за 1919 г. иркутской Спасо-Преображенской церкви содержатся записи о бракосочетании военнопленного венгерского инженера Сечень Дезадерия Иосифовича с Афанасьевой Еленой Николаевной и капитана чехословацких войск Франека Вячеслава Иосифовича с Бестеревой Анной Агафоновной, Элиаша Людвиг Яковлевича – фельдшера чехословацкой армии с Титовой Клеопатрой Петровной, Янды Яна Павловича – доктора, подполковника санитарной службы чехословацкой армии с Поливадовой Наталией Филипповной, поручика 2-го Чехословацкого полка Заяца Франца Антоновича с Карабатовой Анфисой Афанасьевной. Итого из 107 записей о браках 5 записей о браках бывших военнопленных, и это только в одной из церковей Иркутска (ГАИО. Ф. 266. Оп. 3).

Одной из самых сложных и болезненных норм для исполнения стал пункт Положения о свободе вероисповедания – «военнопленные ни под каким видом не должны быть стеснены для исполнения обрядов их вероисповеданий, не исключая присутствия на церковных богослужениях» (Авербах, 1914. С. 336)².

Исполнение такого пункта во многоконфессиональных гарнизонах было предельно сложным делом. Однако, можно отметить, что почти во всех лагерях были созданы молельные комнаты (чаще всего совмещенные со столовой), так в фондах ГАИО хранится фотография богослужения в отдельном помещении Иннокентьевского лагеря военнопленных. Подобные помещения фиксируются фотографиями и в других лагерях Иркутского воен-

² Авербах О.И. Законодательные акты чрезвычайного характера, вызванные войной. Вильна, 1914. Ч. 1. 686 с.

ного округа. Имелись в лагерях и собственные священники.

Наиболее известным из них стал прибывший 10.08.1915 г. из Приамурского военного округа Карл Дрексель. По прибытию в Иркутск он был размещен на гауптвахте при 12 запасном Сибирском батальоне и содержался «на строгом арестантском режиме и под усиленной охране» в одиночной офицерской камере.

Однако ксендз достаточно быстро добился послаблений, по его словам, в Приамурье ему «не предъявляли обвинений и не подвергался дознанию», а генерал (ВРИД начальника штаба Иркутского военного округа Ильяшевич) обещал ему ослабления режима. После 3 месяцев режим содержания ему был ослаблен.

А управление Могилевской римско-католической епархии 31.12.1915 г. возбудило ходатайство об освобождении Дрекселя из под ареста и передачи на поруки под личную ответственность настоятеля Иркутского костела ксендза Казимира Ваньковского, аргументирую это тем, что «дело о шпионаже в достаточной мере является опровергнутым» и ожидается окончательное соглашение об обмене и возвращении на родину всех военных священнослужителей.

За арестованного ксендза вступились лично (!) великая княгиня Ольга Константиновна и великий князь Георгий Михайлович, просившие, либо разрешить Дрекселю проведение священнических обязанностей, либо отпустить его на родину.

Активную роль в освобождении К. Дрекселя из-под ареста, а затем и разрешении ему проводить богослужения сыграл декан иркутского костела Ваньковский. Он лично в начале февраля 1916 г. обращается с письмом к командующему Иркутским военным округом, в котором описывает ситуацию, сложившуюся с военнопленными-католиками: «в настоящее время в Иркутске и его окрестностях около 10 тыс. католиков. Ранее я хоть и с трудом исполнял духовные требы им. В настоящее время, видя мою физическую невозможность удовлетворить духовные потребности военнопленных, вследствие их численности и разбросанности по лагерям..., я обратился в штаб Иркут-

ского военного округа с предложением выдать пропуск в лагеря военнопленному священнику Карлу Дрекселю, для проведения богослужений». Далее Ваньковский дает характеристику К. Дрекселю и завершает письмо словами: «зная личность священника Дрекселя, я беру на себя ответственность за корректность его поведения во всем».

Предложения декана костела поддержали и сами военнопленные – старший офицер австро-венгерской армии Эмиль Мюнстер от имени офицеров Заиркутного городка ходатайствовал о допущении К. Дрекселя для проведения «богослужения по католическому образцу» и утверждал «этим католики здешнего лагеря будут удовлетворять свои религиозные потребности».

И К. Дрексель добился своего, ему было разрешено проводить богослужения для военнопленных с оговоркой «только духовные требы в самом прямом значении этого слова» (РГВИА. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 654. Л. 4–44).

Определенную сложность составляло проведение религиозных обрядов для мусульман. Легче всего вопрос решался в крупных городах, в том же Иркутске, Чите и Красноярске, ибо там имелись мечети, которые мусульмане имели возможность посещать.

Офицеры и нижние чины имели возможность покупать необходимые товары в специальных лавках, созданных при лагере, а в исключительных случаях и в обычной торговой сети. Чаще всего этим правом пользовались офицеры, получавшие жалование по своему чину в русских денежных знаках. Определенным подспорьем для рядовых же стали оплачиваемые работы в лагере и особенно вне лагеря. Кроме того, военнопленные имели возможность получать денежные переводы от родных. Правда, администрация лагеря старалась не допустить наличия русских денег в значительном объеме в руках военнопленных, абсолютно справедливо полагая, что это провоцирует побег. Для предотвращения этого администрация старалась вместо денежных знаков выдавать на руки военнопленным своего рода эрзац – деньги «боны». Каждый лагерь имел свою индивидуальную

денежную систему, боны принимались к оплате только в лагерных лавках (Чащин, 2009. С. 100–105).

Итак, посмотрим на примере Заиркутного городка, что мог купить военнопленный в лагерной лавке. Конечно, самым ликвидным товаром являлось продовольствие. Всего в ассортименте имелось более сотни товаров, рассмотрим наиболее ходовые. Военнопленный имел право купить 3 фунта мяса (говядина, свинина, баранина, курица) 3 раза в неделю; рыбы – 1 фунт (4 раза в неделю), яйца – 6 штук (1 раз в неделю), селедки соленой – 2 штуки (1 раз в неделю); сахар – 13 золотников (1 раз в неделю); кофе – 3 золотника (1 раз в неделю); овощи и фрукты. Документ представлен как на русском, так и на немецком языке. Конечно, необходимо оговориться, что иногда ряд продуктов становился дефицитом. Так в Иркутской губернии в 1916 г. полностью исчез из продажи сахар, правда, необходимо оговориться, что и в свободной продаже его фактически не было (РГВИА. Ф. 1529. Оп. 1. Д. 45. Л. 217–222).

В целом конфликты между военнопленными и охраной были достаточно редки. Показателен единственный случай, выявленный в архивных документах, связанный с избиением военнопленного. Главное управление Генерального штаба (далее ГУ ГШ) русской армии в своем письме № 27658 от 01.10.1916 г. запросило от штаба Иркутского военного округа информацию о случаях избиения военнопленных на территории округа, ссылаясь на информацию американского посольства о двух подобных фактах – избиение австрийского военнопленного и пытавшегося бежать офицера. ГУ ГШ требовало от штаба округа провести всестороннее и объективное расследование данных фактов. Первоначально командование сообщило, что имеет данные только об одном инциденте. Однако говорить об избиении нельзя, ибо военнопленного Кальмина Боди, пререкавшегося с генерал-майором Бояровским, сопровождающий генерала конвойный казак только толкнул. Однако произведенное расследование с привлечением свидетелей события дало абсолютно другую картину. 30 октября 1915 г. военнопленный лагеря на ст. Инно-

кентьевской Кальмин Боди самовольно оставил работы, но был задержан стражниками. Доставленный в штаб дружины он заявил, что болен и не может работать, ибо порвал форменные брюки. Генерал-майор Бояровский потребовал от него вернуться на работу, но военнопленный отказался это сделать и дерзко вел себя. Взбешенный этим генерал Бояровский отдал приказ сопровождавшим его казакам принудить Боди к работе, при чем один из конвойных ударил военнопленного кнутом. Приложенное к рапорту объяснение 7 плененных офицеров рисует мрачную картину «бил немилосердно по голове и плечам, сбросил на землю и бил кнутом по ногам». Стоит оговориться, что истинная картина происшествия лежит ровно посередине этих версий, ибо представить русского генерала, отдавшего приказ и наблюдавшего за его исполнением в присутствии 7 плененных офицеров, представить сложно (РГВИА. Ф. 1529. Оп. 1. Д. 45. Л. 143, 206).

После событий 1917 г. уровень дисциплины и подчинения охране резко снизился, так приказ по Иркутскому дисциплинарному батальону № 152 от 28 сентября 1917 г. гласил: «Во - исполнении предписания Исполнительной комиссией Совета военных депутатов от 27 сего сентября приказываю, командиру сводной роты принять меры к тому, чтобы работающие в здании батальона от приемной комиссии по шитью сапог на армию военнопленные солдаты не выпускались бы солдатами батальона за ворота без надзирателя и не ходили бы без сопровождающего по улицам.

Независимо сего предлагаю капитану Каминскому разъяснить кадровым солдатам приказ по войскам Иркутского военного округа от 2 августа сего года № 581 точно установив порядок содержания военнопленных и вменить в обязанности каждому солдату по мере его сил и возможности исполнять этот приказ по отношению к военнопленным помаятую, что этим достигается благая цель в интересах обороны государства (РГВИА. Ф. 1499. Оп 1. Д. 10. Л. 28).

Грустную картину, опираясь на воспоминания военнопленных, дает в своей работе Шлейхер: «Офицеры были обязаны отмечаться в лагерной

канцелярии или на переключках. В Омске якобы переключки проводились регулярно в 2 часа ночи. Среди предписаний были: снятие знаков различий и наград, отдавание чести русским офицерам, и даже портрету царя. В некоторых лагерях требовалось носить нашивки пленных и не встречаться с местным населением. Пленным следовало соблюдать сухой закон, а в некоторых лагерях отмечать русские праздники. В отдельных лагерях запрещали установку памятных камней на кладбищах, иметь гражданскую одежду, играть в азартные игры, устанавливать рождественскую елку или писать письма на родину на родном языке. На станциях на них глазели, как на диких зверей, порой их гнали пинками прикладов и нагайками» (цит. по Шлейхер, 2001).

Однако картина получается уж совсем ужасная и безысходная. Посмотрим, что же отражается в архивных документах. Так в документах Заиркутного лагеря военнопленных фиксируется разрешение на ношение траура пленными солдатам и офицерам австрийской армии по случаю кончины в связи со смертью императора Франца-Иосифа в январе 1917 г. Изначально администрацией лагеря в этом было отказано, но после жалобы военнопленных офицеров, что это «оскорбляет наши патриотические чувства», проведение мероприятий было разрешено (РГВИА. Ф. 1529. Оп. 1. Д. 50. Л. 33).

Стоит остановиться на вкладе военнопленных в музыкальную жизнь Восточной Сибири. К сожалению, менее всего сведений имеется по иркутским лагерям, хотя судя по фото, они имелись и в Иннокентьевском лагере, и в Заиркутном городке. Так капитан австралийской армии Е.У. Лэтчфорд, направленный в 1918 году в Сибирь для несения службы в Британской военной миссии, вспоминал, как в Иркутске услышал оркестр венгерских военнопленных. Особенно же его поразило, что все инструменты для оркестра были сделаны «прямо в лагере» и при этом «они действительно играли» (Лэтчфорд)³.

³ Лэтчфорд Е.У. С белой армией в Сибири (Перевод и комментарии – В. Крупник) [Электронный ресурс] // Сибирская заимка. История Сибири в научных публика-

Подводя общий итог, стоит отметить, что и центральная власть, и местная администрация старались соблюсти по мере возможности международно-правовые акты, регламентирующие содержание военнопленных. Отдельные эксцессы, конечно, имели место быть, но принципиальной роли не играли. Стоит согласиться с мнением командующего 718 пешей Астраханской дружиной, отвечавшего на очередную жалобу военнопленных: «Вообще же, как я предполагаю, жалобы с их стороны возникают более от нечего не деланья и желания большей свободы» (РГВИА. Ф. 1529. Оп. 1. Д. 50. Л. 59 об. 60). Правда, следует отметить, что режим содержания военнопленных в Иркутске был более жестким, чем в других сибирских лагерях (Чите, Красноярске, Сретенске), это было обусловлено двумя факторами:

1. Иркутск являлся центром генерал-губернаторства и военного округа и начальство как гражданское, так и военное старалось соблюдать законы и подзаконные акты в отношении пленных неукоснительно, чего не было в отдаленных гарнизонах.

2. Расположение лагерей в Иркутске было таково, что пленные почти не контактировали с местным населением (за исключением выводимых в город на работы), ибо они находились в военных городках на окраинах Иркутска.

В результате событий лета 1918 г. территория, на которой располагались сибирские лагеря военнопленных, стала ареной ожесточенной гражданской войны, в которой бывшие военнопленные оказались на разных сторонах баррикад. Но значительная часть военнопленных пыталась сохранить нейтралитет и остаться в лагерях для военнопленных, хотя многие и присоединились к противоборствующим сторонам. И «красные», и «белые» сибирские власти старались соблюдать по отношению к этим лицам те законы и подзаконные акты по военнопленным, которые существовали до 1917 г.

Окончательно вопрос о депортации военнопленных с востока страны был решён в 1920 г. В начале мая главнокомандующий, атаман Забай-

циях. URL: <http://zaimka.ru/latchford-siberia/> (дата обращения 01.11.2019).

кальского казачьего войска Г. Семёнов подписал соглашение о репатриации бывших военнопленных – граждан Австро-Венгрии, Германии и Турции на родину через Владивосток. В июне 1920 г. Президиум Народного собрания ДВР принял окончательное постановление о ликвидации лагерей «бывших военнопленных империалистической войны» и объявил их «свободными гражданами Дальневосточной республики». Аналогичный процесс произошёл и в «белом» Приморье, где осе-

нию 1920 г. сборные пункты военнопленных были ликвидированы и военнопленным предложили покинуть их территорию. И в «красной» Сибири, и в «белом» Приморье бывшие военнопленные стали обузой для властей. Их судьбой не интересовался никто, кроме представительства Красного Креста. Последние военнопленные при помощи иностранных консульств покинули Россию в 1921 г. Оставшиеся интегрировались во вновь создаваемое советское общество.

Библиографический список

Агалаков В.Т. Венгерские интернационалисты в борьбе за власть Советов в Восточной Сибири // Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке. 1917–1922 гг. М., 1980. С. 45–54.

Ануфриев А.В. Австро-венгерские военнопленные в Восточной Сибири (обзор фондов ГАИО и ГАЗК) // Краеведческие записки. Иркутск: Иркутский областной краеведческий музей, 2014. Вып. 21. С. 51–78.

Гергилева А.И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири. Красноярск: Изд-во Сибирского государственного технологического университета, 2007. 125 с.

Гирченко В.П. Революционная деятельность иностранных интернационалистов-военнопленных в Восточной Сибири. Верхнеудинск, 1933. 32 с.

Греков Н.В. Германские и австрийские пленные в Сибири (1914–1917) // Немцы. Россия. Сибирь. Сб. статей. Омск, 1997. С. 154–180.

Иконникова Т.Я. Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914–1918 гг.) Хабаровск. 2004. 178 с.

Интернационалисты: Трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть Советов. М., 1967. 287 с.

Колмогоров Н.С. Красные мадьяры. Новосибирск, 1970. 136 с.

Кривогуз И.М., Полянский И.С. Германские и австрийские военнопленные – интернационалисты // Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть Советов. М.: Наука, 1967. 615 с.

Чашин А. Сретенск. Страницы прошлого: Казачество. Купечество. Военнопленные. Денежные знаки. Чита: Экспресс-издательство, 2009. 256 с.

Шлейхер И.И. Военнопленные Первой мировой войны: проблемы пленения, транспортировки и содержания в сибирских лагерях // Из прошлого Сибири. Вып. 4. Ч. 1. Новосибирск, 2001. С. 54–97.

References

Agalakov V.T. (1980) Hungarian internationalists in the struggle for Soviet power in Eastern Siberia. *Vengerskie internatsionalisty v Sibiri i na Dal'nem Vostoke. 1917–1922 gg.* = Hungarian internationalists in Siberia and the Far East. 1917–1922. Moscow. P. 45–54. (In Russ.)

Anufriev A.V. (2014) Austro-Hungarian prisoners of war in Eastern Siberia (a review of the SAIO and SAKZ funds). Irkutsk: Irkutskii oblastnoi kraevedcheskii muzei. Iss. 21. P. 51–78. (In Russ.)

Gergileva A.I. (2007) Prisoners of war of the First World War in Siberia. Krasnoyarsk: Izd-vo Sibirskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. 125 p. (In Russ.)

Girchenko V.P. (1933) The revolutionary activities of foreign internationalist prisoners of war in Eastern Siberia. Verkhneudinsk. 32 p. (In Russ.)

Grekov N.V. (1997) German and Austrian prisoners in Siberia (1914–1917). *Nemtsy. Rossiya. Sibir'. Sb. Statei* = Germans. Russia. Siberia. Collection of articles. Omsk. P. 154–180. (In Russ.)

Ikonnikova T.Ya. (2004) Prisoners of war of the First World War in the Far East of Russia (1914–1918). Khabarovsk. 178 p. (In Russ.)

(1967) Internationalists: Workers of foreign countries – participants in the struggle for Soviet power. Moscow. 287 p. (In Russ.)

Kolmogorov N.S. (1970) Red Magyars. Novosibirsk. 136 p. (In Russ.)

Krivoguz I.M., Polyanskii I.S. (1967) German and Austrian prisoners of war – internationalists. *Internatsionalisty. Trudyashchiesya zarubezhnykh stran – uchastniki bor'by za vlast' Sovetov* = Internationalists. The working people of foreign countries are participants in the struggle for Soviet power. Moscow: Nauka. 615 p. (In Russ.)

Chashchin A. (2009) Sretensk. Pages of the Past: Cossacks. Merchants. Prisoners of war. Banknotes. Chita: Ekspress-izdatel'stvo. 256 p. (In Russ.)

Shleikher I.I. (2001) Prisoners of war of the First World War: problems of capture, transportation and detention in Siberian camps. *Iz proshlogo Sibiri* = From the past of Siberia. Iss. 4. Pt. 1. Novosibirsk. P. 54–97. (In Russ.)

Chickering, Roger. *Imperial Germany and the Great War, 1914–1918*, Cambridge: Cambridge University Press, 1998. Pp. xvi + 227.

Davis, Gerald H. *National Red Cross Societies and Prisoners of War in Russia 1914–1918*, *Journal of Contemporary History* vol. 28/1, 1993, pp. 31–52.

Davis, Gerald H. *Prisoner of War Camps as Social Communities: Krasnoyarsk 1914–1921*, *Eastern European Quarterly*, 21, 1987, pp. 147–163.

Davis, Gerald H. *The Life of Prisoners of War in Russia, 1914–1921*, in Samuel Williams and Peter Pastor (eds) *Essays on World War I: Origins and Prisoners of War*, New York: Columbia University Press, 1983, pp. 162–96.

Dwinger, Edwin Erich. *Die Armee hinter Stacheldraht. Das sibirische Tagebuch*. Jena: Eugen Diederichs, 1929. 306 p.

Ferguson, Niall. *The Pity of War: Explaining World War I*. New York: Basic Books, 1999. 563 p.

Gilbert, Martin. *The First World War; A Complete History*. New York: Henry Holt and Company, 1994. pp. 615.

Herwig, Holger H. *The First World War: Germany and Austria-Hungary 1914–1918*. London: Arnold, 1997. 490 pp.

Keegan, John. *The First World War*, New York: Alfred A. Knopf, 1999. 475 p.

Winter, Jay. *Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History*, Cambridge, Cambridge University Press, 1995, 320 pp.

Критерии авторства

А.В. Ануфриев, Д.В. Козлов выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторах

Ануфриев Александр Валерьевич, преподаватель кафедры истории России, Иркутский государственный университет, 664003, Иркутск, ул. К. Маркса, 1, Россия, ✉ e-mail: nnnadezhda@mail.ru

Козлов Дмитрий Викторович, кандидат исторических наук, доцент, директор Межрегионального института общественных наук при ИГУ, Иркутский государственный университет, 664003, Иркутск, ул. К. Маркса, 1, Россия ✉ e-mail: dvk@home.isu.ru

Chickering, Roger. *Imperial Germany and the Great War, 1914–1918*, Cambridge: Cambridge University Press, 1998. Pp. xvi + 227.

Davis, Gerald H. *National Red Cross Societies and Prisoners of War in Russia 1914–1918*, *Journal of Contemporary History* vol. 28/1, 1993, pp. 31–52.

Davis, Gerald H. *Prisoner of War Camps as Social Communities: Krasnoyarsk 1914–1921*, *Eastern European Quarterly*, 21, 1987, pp. 147–163.

Davis, Gerald H. *The Life of Prisoners of War in Russia, 1914–1921*, in Samuel Williams and Peter Pastor (eds) *Essays on World War I: Origins and Prisoners of War*, New York: Columbia University Press, 1983, pp. 162–96.

Dwinger, Edwin Erich. *Die Armee hinter Stacheldraht. Das sibirische Tagebuch*. Jena: Eugen Diederichs, 1929. 306 p.

Ferguson, Niall. *The Pity of War: Explaining World War I*. New York: Basic Books, 1999. 563 p.

Gilbert, Martin. *The First World War; A Complete History*. New York: Henry Holt and Company, 1994. pp. 615.

Herwig, Holger H. *The First World War: Germany and Austria-Hungary 1914–1918*. London: Arnold, 1997. 490 pp.

Keegan, John. *The First World War*, New York: Alfred A. Knopf, 1999. 475 p.

Winter, Jay. *Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History*, Cambridge, Cambridge University Press, 1995, 320 p.

Attribution criteria

A.V. Anufriev, D.V. Kozlov made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, they own the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Both authors have read and approved the final manuscript.

Information about the authors

Alexander V. Anufriev, Lecturer of the Department of the History of Russia, Irkutsk State University, 1 K. Marx street, Irkutsk 664003, Russia, ✉ e-mail: nnnadezhda@mail.ru

Dmitrii V. Kozlov, Cand. Sci. (History), associate professor, Director of the Interregional Institute of Social Sciences at ISU, Irkutsk State University, 1 K. Marx street, Irkutsk 664003, Russia, ✉ e-mail: dvk@home.isu.ru